

Николай Чернышевский

ПРОЛОГ

T8 RUGRAM

УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Ч49

Чернышевский, Н.

Ч49 Пролог / Н. Чернышевский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 646 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-519-66373-1

Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889) — русский философ-материалист XIX века, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, учёный, энциклопедист, литературный критик, публицист и писатель.

Роман «Пролог», посвящённый русской общественно — политической борьбе накануне реформы 1861 года, отменившей крепостное право, пропитан горечью осознания утраченных иллюзий автора, так и не дождавшегося революционного переворота. Описывая весенний Петербург 1857 года, Чернышевский намекает читателю на стремление к общественному пробуждению, на ожидания и надежды, которые теперь вызывали лишь горькую иронию: «Восхищаясь весной, город продолжал жить по-зимнему, за двойными рамами. И в этом он был прав: ладожский лёд ещё не прошёл».

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66373-1

© Т8RUGRAM, 2018

© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛОГ ПРОЛОГА.....	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	77
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	127
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	195
ГЛАВА ПЯТАЯ	253
ГЛАВА ШЕСТАЯ	279
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	339

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕВИЦКОГО ЗА 1857 ГОД....	377
МАЙ	379
ИЮНЬ	397
ИЮЛЬ	453
АВГУСТ	499

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРОЛОГ ПРОЛОГА

*Посвящается той, в которой будут
узнавать Волгину*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было начало весны 1857 года. Весь образованный Петербург восхищался прекрасным началом своей весны. Вот уже третий день погода стояла не очень холодная, не совсем пасмурная; иной час даже казалось, будто хочет проясниться. Как же не восхищался бы образованный Петербург? Он был прав, если судить его чувство по петербургским понятиям о весне.

Но, восхищаясь весной, он продолжал жить позимнему, за двойными рамами. И в этом он был прав: ладожский лед еще не прошел.

* * *

Часу в двенадцатом утра по солнечной стороне Владимирской площади, в направлении к Невскому, шли смуглая дама и бледноватый мужчина с плохую рыжею бороною. Они были жена и муж. Мужу было лет двадцать восемь или тридцать. Он был некрасив, неловок и казался флегматиком. Тускло-серые глаза его, в золотых очках, смотрели с тихою задумчивостью на жену. Жена весело смотрела вперед, беззаботно опираясь на руку своего спутника, и, по-видимому, очень мало думала о нем. Но заметила, что он не спускает с нее глаз, улыбнулась, сказала: «В три года все еще не нагляделся» — И опять перестала обращать внимание на него.

— Твоя правда, голубочка, — вяло согласился муж, подумавши; вздохнул и сказал: — А знаешь ли, о чем я думал, голубочка? Когда ж это будут у тебя свои лошади?

— Довольно смешно вздыхать, мой друг. Теперь мы живем хорошо; со временем будешь получать больше. Тогда куплю себе и лошадей. А пока отучайся не спускать с меня глаз: это забавно.

— Твоя правда, голубочка, — отвечал он и стал рассеянно глядеть по сторонам. Через минуту сострадательно усмехнулся.

Навстречу шел студент с длинными, гладкими, светло-русыми волосами, тоже некрасивый и неловкий, как и спутник смуглой дамы, тоже несколько сторбленный, только в нем это было гораздо заметнее, потому что он был очень высокого роста, тоже бледноватый, тоже с тускло-серыми глазами, тоже в золотых очках. Он пристально смотрел на смуглую даму, и лицо его оставалось спокойно, холодно. Потому-то муж смуглой дамы и не мог удержаться от сострадательной усмешки: наконец-то нашелся человек еще хуже его самого. Еще юноша, и такая рыба кровь! Муж смуглой дамы не знал, более ли смешон или более жалок ему этот студент.

— Чрезвычайно умное лицо у этого молодого человека, — сказала смуглая дама, когда студент прошел. — Необыкновенно умное лицо.

Муж подумал. Точно, лицо студента было не только холодно, но и умно.

— Правда твоя, голубочка. Должно быть, умный человек. Но бездушное существо, хуже меня.

— Почему же? Не влюбился в меня?

— Не смейся, голубочка, — отвечал муж, — это моя правда.

— Ты забавный человек, мой друг, — сказала жена, засмеявшись.

— Вовсе не я, голубочка, разве я сам думаю? Вовсе не сам; ты знаешь, я говорю это больше по слуху, чем сам. Все говорят мне. Чем же я виноват? — вяло возразил он. — Я тут посторонний человек; я говорю по чужим словам. А чужое мнение в этом надобно считать справедливым. Что правда, то правда.

— Перестань, мой друг, надоел.

— Ну, хорошо, голубочка, — согласился он и замолчал.

Через минуту начал мурлыкать нараспев, сначала про себя, потом слышнее и слышнее, неслыханным и невозможным ни в какой музыке мотивом: «Как у наших у ворот — ай, люли, у ворот, — стоял девок хоровод — ай, люли, хоровод». Он был глубоко убежден, что изумительный мотив не был его собственным сочинением.

— Перестань, мой друг, — заметила жена. — Ты, кажется, забыл, что ты идешь не один.

— А, точно, голубочка, — согласился он и несколько сконфузился.

Зная достоинство своей вокализации, он вообще занимался ею только для собственного удовольствия. Кроме того, жена убеждала его, что идти по улице и напевать — смешно, и он постоянно желал помнить это.

— С тобою стыд и смех, мой друг.

— Ну так что же за важность, голубочка, — с философским спокойствием отвечал он и стал с усиленным усердием глядеть по сторонам, чтобы опять не замурлыкать по рассеянности. — Знаешь ли что, голубочка? — начал он

через минуту. — Ты отпустила бы меня. Уверяю, отпустила бы — ну, что же не отпустить? Прогулялся довольно. А ты сама купишь мне перьев. Уверяю, купишь. А то в другой раз: у меня еще есть несколько.

— Как тебе не совестно? Прошел двадцать шагов и уверяет, что довольно!

— Не двадцать, голубочка, а двести или гораздо больше. Уверяю.

Жена оставила это уверение без всякого ответа.

— Ну, что же, голубочка? Я только так сказал, а я иду с удовольствием. Уверяю. Как же? Разве я не понимаю, что ты принуждаешь меня только для моей же пользы, а не то что тебе самой приятно, что я иду с тобою.

— Если понимаешь, то зачем же сердись? С тобою больше скуки, чем с Володею.

— Видишь ли, голубочка, ты делаешь это потому, что думаешь, будто вредно, что я все сижу. Но я не все только сижу, я тоже и лежу. Зачем же мне ходить?

Рассуждение не было лишено основательности. Но жена только промолчала на него. Муж глубоко вздохнул и опять стал глядеть по сторонам с апатиею, не совершенно соответствовавшею тяжести страдания, выраженного вздохом.

По одну сторону была мелочная лавочка, дальше вывеска сапожника, дальше ничего замечательного. По другую сторону — тротуарные тумбы, голубая извозчичья карета, опять тумбы, тумбы, тумбы... Дальше, с этой стороны все то же: тумбы, тумбы; с той — лавочка, лавка, лавочка, прекрасный подъезд с резными дубовыми дверьми, с бронзою.